

ШУЛЬГА М. В.

**О ПРИЧИНАХ УСТРАНЕНИЯ РОДОВЫХ РАЗЛИЧИЙ
ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ У РОДОИЗМЕНЯЕМЫХ СЛОВ**

Как известно, в истории русского языка на протяжении XI—XV вв. в формах И. и В. мн. имен существительных и согласующихся с ними в роде, числе и падеже слов произошли немаловажные изменения, в частности, совпали падежные формы мужского рода, частично утратились родовые различия у существительных и полностью — у прилагательных, местоимений и причастий. Ср. в старорусском И.-В. мн.: *новыѣ плоды, меды, пути, камени; страны, вещи, църкѣви; села, имена* при различиях в формах древнерусского языка старшего периода — И. мн. мужского рода: *новиши плоди, медове, путие, камене*; В. мн. мужского рода: *новыѣ плоды, меды, пути, камени*; И.-В. мн. женского рода: *новыѣ страны, вещи, църкѣви*; И.-В. мн. среднего рода: *новая села, имена*¹. Утрата падежных различий и различий между формами мужского и женского рода взаимосвязаны; очевидна также и признается всеми исследователями (хотя в конкретных интерпретациях и непоследовательно) взаимосвязь изменений в субстантивных формах — определяемых и в атрибутивных — определяющих. Но в вопросе о причинах этих изменений и о направлении причинно-следственных отношений мнения расходятся. Известны усилия решить эту проблему на конкретном материале памятников, однако и они приводят к взаимоисключающим выводам [1—3].

Этим объясняется настоящая попытка подойти к данному вопросу с другой стороны — исходя из структуры родовых, числовых и падежных противопоставлений и характера связей между субстантивными и атрибутивными формами как между средствами, выражающими одни и те же грамматические значения, но на разных уровнях: на морфологическом (в формах самих существительных) и на синтаксическом (в формах согласуемых слов). Такой подход может привести, на наш взгляд, к доказательству одних гипотетических интерпретаций и к пересмотру других.

Мы остановимся лишь на следующих аспектах этой многоплановой проблемы: на причинах утраты родовых различий в формах множественного числа существительных (1); на вытекающих из этого выводах в отношении форм согласуемых с существительными слов (2); на древнерусских соответствиях в развитии форм определяемых и определяющих, подтверждающих эти выводы (3).

1. Утрата родовых различий в формах множественного числа существительных в истории русского языка нередко рассматривается как явление причинного характера, как тенденция языкового развития [4—7]. Однако это не согласуется с тем, что именно грамматический род играл ведущую роль в развитии древнерусского субстантивного склонения. Он предопределял объединение и унификацию парадигм одного и того же

¹ Мы не акцентируем внимания на изменениях в формах мягкой разновидности склонения, так как они в значительной мере предопределены влиянием форм твердой разновидности и одинаковы для всех падежных позиций, где имела морфологическая корреспонденция *ы — ѣ* (*страны — землѣ* и под.).

(и каждого) грамматического рода не только в формах единственного числа, но (едва ли не на протяжении всего древнерусского периода, см. [8]) и множественного. В формах единственного числа грамматический род сохраняет актуальность и в дальнейшей истории восточнославянских языков, вплоть до наших дней. На фоне этих общеизвестных и общепризнанных фактов возникновение тенденции к утрате родовых различий (хотя бы и только в формах множественного числа) остается явлением необъяснимым.

Мы исходим из той концепции развития субстантивных парадигм множественного числа, которая обосновывается в работах В. М. Маркова [9, 10] и проводится в книге К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаева [11]. Здесь история утраты родовых различий в субстантивных формах множественного числа убедительно представлена как следствие реализации двух автономных по своему происхождению тенденций:

1) объединения И. и В. мн. в системе форм существительных мужского рода (*плоди* и *плоды*, *медове* и *меды*, *путие* и *пути*, *камене* и *камени*), которое привело к совпадению их по флексии с формами женского рода типа *страны*, *вещи*, *църкѣви*;

2) тенденции к однозначной соотносительности значения расчлененности (инвариантного значения форм множественного числа) и средств выражения расчлененности (подробнее см. [12]). Она реализуется в унификации парадигм множественного числа путем вычленения формообразующего аффикса *-а-* как показателя множественного числа и обнаруживается в новообразованиях типа *селаѣмъ*, *дворянамъ*, *селахъ*, *дворянахъ*, на раннем этапе соотносительных с формой И. -В. мн. на *-а* (*села*, *дворяна*), позднее также в новообразованиях типа *селами*, *дворянами*. При этом происходит объединение по флексии среднего и мужского рода с женским родом (ср. *странами*, *странахъ*).

При таком подходе частичное устранение родовых различий в формах множественного числа существительных предстает как следствие изменений в выражении падежных и числовых значений.

2. Если исходить из этой концепции (а она позволяет с наибольшей достоверностью интерпретировать основные факты древнерусской письменности), то в формах согласуемых с существительными в роде, числе и падеже слов устранение родовых различий предстает как отражение соответствующих процессов в истории субстантивного склонения. Это вытекает, прежде всего, из характера и направления связей между падежно-числовыми формами существительных и слов, выполняющих атрибутивную функцию.

1) Падеж в атрибутивных формах — явление чисто согласовательное (синтаксическое). Он лишен собственного грамматического содержания и всегда соответствует падежу определяемого существительного. На синтаксическом уровне (в формах прилагательных, местоимений или причастий) не может быть выражено падежное значение, не выраженное на морфологическом уровне, в системе субстантивных форм. Изменения в системе падежных противопоставлений имен существительных, наблюдаемые в истории русского языка, сопровождаются аналогичными изменениями в формах согласуемых в падеже слов. Иллюстрацией может послужить связь между формами определяемых и определяющих при формировании категории одушевленности/неодушевленности: складывающаяся в системе существительных омонимия В. и Р. падежей отражается в системе падежных противопоставлений определяющих, так: *вию добръ конь* или *добра коня*, но не *добръ коня*. Другой пример — неразличение форм Д. и Т. мн., развившееся в истории языка на значительной части великорусской территории, типа: *к своим рукам* и *со своим рукам*. Это явление — общее для существительных и для согласуемых с ними слов, как можно судить по данным современных говоров [13].

Расхождения в системах падежных противопоставлений определяемых и определяющих (если они имеются) возможны только в одном направлении: различению падежных форм существительных может соответствовать смонимия падежных форм на синтаксическом уровне, напри-

мер: при восьмичленной системе падежных противопоставлений существительных — шестичленная у прилагательных, но не наоборот. Эта зависимость прослеживается и в современном русском языке, литературном и диалектном. В отношении диалектного языка у Л. Н. Булатовой [14] об этом сказано следующее: «В склонении прилагательных мы не встречаемся с падежными противопоставлениями, которые не были бы выражены в склонении существительных».

Совершенно ясно при этом, что объединение И. и В. мн. у существительных мужского рода не могло не отразиться на системе падежных противопоставлений у согласуемых с ними в падеже слов. Это очень важное для понимания истории атрибутивных форм положение, при всей его очевидности, не привлекло к себе должного внимания исследователей. А между тем соответствие форм прилагательных формам существительных сохраняется во всех славянских языках, несмотря на их различия в эволюции И. и В. мн. у имен мужского рода [15, 16].

Наиболее древнее состояние отражают современные южнославянские языки. В сербохорватском и словенском различия между И. мн. и В. мн. у существительных мужского рода сохранились. Этому соответствует и функционирование особых форм И. и В. мужского рода у прилагательных: серб.-хорв. И. мн. *mīdi* или *mīdi nīrodi*, В. мн. *mīde* или *mīdē nīrode* (именная и местоименная формы прилагательного); словен. И. мн. *nīvi prijātelji*, В. мн. *nōve prijātelje*.

В западнославянских языках объединение форм И. и В. мн. существительных мужского рода сопровождается объединением соответствующих форм прилагательных и местоимений в польском (созр. литерат. И.-В. мн. *te dobre domy*), в чешском (*ty dobrý domy*), в словацком (*pekný duby*), в серболужицком языке (*male duby*). Особая форма И. мн., отличная от В. мн., сохраняется у одушевленных существительных в чешском и словацком языках, соответственно различаются «одушевленные» и «неодушевленные» формы у согласуемых с существительными мужского рода прилагательных и местоимений. В польском и серболужицком языках особо оформлен И. мн. у названий лиц мужского пола (В. мн. у них совпадает с Р. мн.) И в атрибутивных формах И. мн. продолжает старый И. в сочетаниях с названиями лиц и старый В. — в сочетаниях с остальными существительными мужского рода (польск. *ci dobrzy sýsiedzi*; серболуж. *dobri synjo*).

Следовательно, в формах согласуемых слов в ходе исторического развития славянских языков остались выраженными лишь падежные противопоставления, свойственные существительным. Этим подтверждается правдомерность одинакового объяснения аналогичных по результатам процессов в формах древнерусских существительных и определяющих их слов, что позволяет, в частности, рассматривать устранение различий между формами мужского и женского рода у согласуемых в падеже слов как сопутствующее следствие объединения форм И. и В. мн. мужского рода.

2) В результате объединения форм И. и В. мн. на синтаксическом уровне остались выраженными только различия между средним и несредним родом в И.-В. мн.: *новая села — новые плоды, страны* (в непрямых падежах местоименного склонения были одинаковые формы при существительных всех трех родов). Дальнейшую историю этих различий следует связывать с историей числовых противопоставлений существительных.

У атрибутивных слов числовые формы, как и падежные, семантически незначимы, они ориентированы на форму существительного. Характер связи здесь отсубстантивный и однонаправленный: морфологически выраженное в форме существительного грамматическое значение определяет форму согласуемого слова. Изменения в субстантивных числовых противопоставлениях непременно отражаются в системе атрибутивных числовых противопоставлений (ср. историю форм двойственного числа существительных и определяющих их слов во всех славянских языках). Соответственно и тенденция к обобщению синонимичных в отношении

значения расчлененности форм, выразившаяся в унификации субстантивной множественной парадигмы, отражается в системе синтаксических числовых форм.

Как это вообще характерно для форм, не автономных в грамматической семантике, не варьируемых в зависимости от лексической семантики и/или словообразовательной модели, языковые тенденции у согласуемых с существительными слов находят более последовательное (по сравнению с самими существительными) выражение. Так, исходящая от существительных тенденция к обобщению форм словоизменения по родовому признаку была в формах прилагательных, местоимений и причастий последовательно осуществлена уже в праславянском языке. Примеров такого рода можно привести множество. Поэтому закономерно, что и унификация форм множественного числа, наметившаяся с XIII века в обобщении числового показателя у существительных, обрела у атрибутивных форм обязательный характер. В ходе морфологического обобщения показателя множественного числа были устранены различия между формами среднего и несреднего рода в И.-В. Ср.:

<i>m-ъ</i>	<i>нов-ы-ъ</i>	}	<i>плоды, страны, села</i>
<i>m-ъ-хъ</i>	<i>нов-ы-хъ</i>		
<i>m-ъ-мъ</i>	<i>нов-ы-мъ</i>		
<i>m-ъ-ми</i>	<i>нов-ы-ми</i>		

В этом плане утрата специфической формы среднего рода в склонении согласуемых слов предстает как следствие эволюции числовых противопоставлений.

Обращаясь к истории западных и южных славянских языков, мы также обнаруживаем связь между степенью унификации субстантивной парадигмы и судьбой формы среднего рода во множественном числе у прилагательных и местоимений. Особый интерес в этом отношении представляют данные современного чешского литературного языка. В истории чешского языка произошло объединение форм И. и В. мн. (приведшее к утрате различий между мужским и женским родом) у неодушевленных существительных мужского рода, соответственно также у прилагательных и местоимений при согласовании с этими существительными. Но в непрямых падежах древние различия между неженской и женской парадигмами, в частности, между парадигмами типа *hrad*, *město*, с одной стороны, и *žena* — с другой — сохранились. Ср.:

<i>hradům, městům</i>	— <i>ženám</i>
<i>hrady, městy</i>	— <i>ženam.</i>
<i>hradech, městech</i>	— <i>žěnách.</i>

И в парадигме прилагательных и местоимений особую форму И.-В. мн., отличную от формы мужского — женского рода, средний род сохраняет (в твердой разновидности склонения): *mladé hrady, ženy*, но *mladá kuřata*. Связь таких казалось бы автономных элементов системы, как форма И.-В. мн. среднего рода у прилагательных и формы Д., Т., М. у существительных, предстанет закономерной, если иметь в виду тот факт, что развитием этих форм в славянских языках управлял один и тот же морфологический процесс.

В польском, серболужицком и словацком, в которых объединение субстантивных парадигм во множественном числе получило, как и в русском, значительное развитие (прежде всего, в унификации форм Д., Т. и М.) специфическая форма среднего рода у прилагательных и местоимений утрачена. В южнославянских языках — сербохорватском и словенском — тенденция к унификации парадигм множественного числа существительных выражена слабо. Соответственно этому сохраняются атрибутивные родовые формы в И.-В. мн.

Таким образом, в устранении или сохранении родовых различий в формах И.-В. мн. на синтаксическом уровне отражена степень унифицирован-

ности родовых парадигм на морфологическом уровне в разных славянских языках.

3. На объединение форм И. и В. мн. в истории именного и местоименного склонений указывали А. И. Соболевский [17] и А. А. Шахматов [18]. Однако утрату специфической формы среднего рода у прилагательных и местоимений они относили к «смешению родов». Мысль о вычленении обобщенного числового показателя в атрибутивных формах множественного числа в связи с аналогичным процессом в истории субстантивного склонения обосновывается в недавней работе К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаева [11]². Но взаимодействие И. и В. мн. здесь рассматривается только по отношению к субстантивным формам.

Поэтому несмотря на всю сложность разграничения рассматриваемых процессов по их результатам, мы хотели бы обратить внимание на те факты из истории древнерусского языка, которые подтверждают наличие параллелизма в развитии имен существительных и согласуемых с ними слов. Мы опираемся на выводы о хронологии соответствующих процессов и о характере их протекания, известные из общих курсов и из работ, специально посвященных этому вопросу.

Объединение И. и В. мн. у существительных мужского рода отражается в смешении этих форм с XI в., например, в Изборнике 1076 г. [19]: *рѣка клочочуштия и тѣмаи ангелы окрѣсть прѣстола прѣстоишита* (вм. *ангелы*), л. 91; *храни учения си да вѣнѣца славы подадять ти ся* (вм. *вѣнѣци*), л. 73об. Оно убедительно документировано в Успенском сборнике XII/XIII в. [20] и как развернутый морфологический процесс отражается в церковно-книжной письменности XIII в. В живом языке, судя по данным деловой письменности, объединение И. и В. мн. завершается по крайней мере к середине XIV столетия. К этому же времени относится и объединение атрибутивных форм И. и В. мн. мужского рода. Наиболее ранние факты — в Архангельском евангелии 1092 г. [21]: *старци людьскыи* (вм. *людьстии*), л. 93об, в Ефремовской кормчей XII в. [22]: *стрельскыи попове* (вм. *страньстии*), л. 85 об.; в Житии Феодосия Печерского XII/XIII в. [20]: *мы же пакы въ твое имя събраны* (вм. *събрани*), л. 55в и др.

Обобщение показателя множественности *-а-* в субстантивных формах Д. и М. мн. отражается в письменности позднее — с конца XIII в. (Паремийник 1271 г., Рязанская кормчая 1284 г.). К этому времени относится и распространение показателя множественности в местоименном склонении. Наиболее ранних из известных примеров: *тѣ* (т. е. цари) *спасаютъся* (вм. *ти*) в Новгородской кормчей 1280 г. [23]. Вперодовые формы прилагательных при определяемых среднего рода встречаются с XIV в., например, в духовной Ивана Калиты (второй вариант) ок. 1339 г.: *А се даю... 2 селѣ коломенскыи* [24], или в духовной грамоте Ивана Красного (второй экземпляр) ок. 1358 г.: *А по ее животѣ тѣ села стѣ* (вм. *та*) [24]. Начало этого процесса в живом языке Н. В. Чурмаева считает возможным отнести к концу XIII в. [2, с. 228], его более позднее отражение в письменности может быть связано с низкой частотностью форм И.-В. мн. прилагательных при существительных среднего рода (в грамотах XIII в. они вообще не встречаются).

На раннем этапе объединения форм И. и В. мн. у существительных мужского рода наблюдалась вариантность этих форм, недифференцированное их употребление — в памятниках встречаются не только В. мн. на месте И. мн., но и обратные замены, например, в Успенском сборнике XII/XIII в. [20]: *иди въ домъ свои ... ужасы бѣси* (см. *бѣсы*), л. 254в и др. Обобщение показателя множественности *-а-* в формах Д. и М. падежей — однонаправленный процесс, он выражается только в замещении флексий *-омъ*, *-ѣхъ* флексиями *-амъ*, *-ахъ*. Аналогично и у определяющих мы встречаем многочисленные случаи вариантности форм И. и В. мн. мужского рода (с этим связана и возможность сочетания старой формы существи-

² Эта мысль проводится также в статье Л. Г. Чапаевой [3].

тельного с новой формой прилагательного и наоборот, ср.: *врази ѿудовы* в Паремийнике 1271 г., л. 83 [26]; *четырьобразнии животы* в Новгородской кормчей 1280 г., л. 594 [23]) и только замещение форм среднего рода на *-а*-, *-ая* внеродовыми формами [25].

Эти соответствия в хронологии и характере осуществления рассматриваемых процессов у определяемых и определяющих не случайны, они обусловлены отсубстантивной и однонаправленной связью между субстантивными и атрибутивными падежно-числовыми формами и с иных позиций не получают удовлетворительного объяснения.

Таким образом, исходя из характера отношений между падежно-числовыми формами существительных и согласуемых с ними слов следует предполагать зависимость атрибутивных форм от субстантивных и соответственно два основных морфологических процесса в развитии атрибутивной парадигмы во множественном числе. При этом утрата родовых различий у родоизменяемых слов является лишь следствием изменений в системе падежно-числовых противопоставлений, а не их причиной.

В сфере действия рассмотренных процессов оказываются основные факты, с которыми мы встречаемся в языке древнерусских памятников. Но эти процессы не были изолированными в своем развитии, в известный период они накладываются друг на друга; осложняются взаимодействием форм твердой и мягкой разновидностей, тенденцией к выравниванию основы, противопоставленной в И. мн. косвенным падежам качеством конечного согласного; имеет место также влияние форм прилагательного на формы местоимений и взаимовлияние местоимений, дифференциация в зависимости от синтаксической функции (см. об этом подробнее [11; 3]). Этим в значительной мере определяется то многообразие конкретных проявлений названных процессов, с которым мы сталкиваемся в языке древнерусской письменности.

Как видим, устранение родовых различий во множественном числе является для атрибутивных форм не собственным, а отраженным морфологическим процессом, спровоцированным эволюцией грамматических категорий и форм субстантива. В связи с этим привлекает внимание проблема разграничения собственной истории определяющих слов и тех еще не вполне очерченных явлений в их морфологическом развитии, которые обусловлены неавтономностью, вторичностью их грамматических значений, а в конечном итоге — структурой категориальных противопоставлений имени существительного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скупский Б. И. Совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода в древнерусском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1953.
2. Чурмаева Н. В. История утраты родовых различий у слов, изменяющихся по родам, в русском языке: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1956.
3. Чапаева Л. Г. Формирование показателя множественности в склонении неличных местоимений (на материале московских грамот XIV—XVII вв.) — Вестник МГУ. Филология, 1982, № 4.
4. Колосов М. Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI столетие. Варшава, 1872, с. 109, 110, 139—140.
5. Meyer K. Historische Grammatik der russischen Sprache. Bd. 1. Bonn, 1923, S. 118.
6. Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд., М., 1962, с. 178, 181.
7. Unbegaun V. La langue russe au XVI-e siècle (1500—1550). Paris, 1935, p. 36—40.
8. Иорданиди С. И., Шульга М. В. Морфологическое выражение категории рода в истории русского языка. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981. М., 1983.
9. Марков В. М. Формы имен в языке судебников XV—XVI веков. — Уч. зап. Казанского ун-та, 1956, т. 116, кн. 11.
10. Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.
11. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

12. Шульга М. В. Унификация русского субстантивного склонения с точки зрения структуры родовых и числовых противопоставлений.— ВЯ, 1983, № 2.
13. Образование северновеликорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 189.
14. Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972, с. 112—113.
15. Нахтигал Р. Славянские языки. М., 1963.
16. Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков). М., 1977.
17. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. 2-е изд. СПб., 1891, с. 176—181.
18. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 234.
19. Изборник 1076 г. Под ред. Коткова С. И. М., 1965.
20. Успенский сборник XII—XIII вв. Под ред. Коткова С. И. М., 1971.
21. Архангельское евангелие 1092 г. М., 1912.
22. Бенешевич В. Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906.
23. Новгородская кормчая 1280 г.—ГИМ, Син., № 132.
24. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950.
25. Чурмаева Н. В. К истории утраты родовых различий во множественном числе у слов, изменяющихся по родам (утрата форм среднего рода).— В кн.: Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960, с. 275.
26. Паремийник 1271 г.— ГПБ, Qп I, 13.